

Семантическое картирование: метод и теория

Сергей Татевосов

1. Грамматическое значение и объяснительная теория

Описать язык как способность, которой обладают все человеческие индивиды,— а именно такая задача стоит перед теоретической лингвистикой,— значит выяснить, каким он может быть, а каким нет. Например, мы знаем что прошедшее время на -л в русском языке исходно было причастием, которое в комбинации со вспомогательным глаголом использовалось в качестве перфекта, во многом своеобразного, но в самых важных отношениях аналогичного перфектам в современных европейских языках. С течением времени русский перфект утратил вспомогательный глагол, расширил сферу употребления и в конце концов вытеснил более старые формы прошедшего времени — аорист и имперфект. Типологические и диахронические исследования показали, что русский язык в этом отношении отнюдь не уникален — превращение перфекта в претерит, глагольную форму, которая выражает временную референцию к прошлому, засвидетельствовано в десятках, если не в сотнях генетически и ареально независимых языков. Это означает, что развитие из перфекта в претерит нельзя объяснить ни общим происхождением языков, ни контактным расположением их носителей и что, следовательно, такое развитие — возможность, заложенная в любом естественном языке. Сумма наблюдений о том, какие явления регулярно отмечаются в различных языках составляют существенную, а именно, положительную часть наших знаний о языке; это знания о том, что в языке возможно.

Не менее, а даже более важная часть этих знаний — это отрицательные знания: о том, что в языке невозможно. Продолжая разбирать пример с перфектом и претеритом, мы можем сделать второе наблюдение: не описано ни одного языка, в котором форма на одном этапе развития языка употребляется как претерит, а на более позднем — как перфект: пути «из претерита в перфект» не существует. Характеризуя естественный язык с точки зрения того, как в нем устроены претерит и перфект, мы должны будем сделать два обобщения: о том, что источником претериальных глагольных форм регулярно являются перфектные формы и о том, что претериальные формы никогда не являются источником перфектных форм.

Еще один пример такого же рода. Существует множество естественных языков (и русский один из них), в которых дативные падежные показатели употребляются в составе именных групп с семантической ролью экспериенцера. Эту роль, в частности, имеет субъект восприятия значительного количества русских предикатов типа *нравиться* — *мне нравится, мне хочется, мне интересно*. С другой стороны, дативные показатели во многих языках допускаются в именных группах, обозначающих обладателя, как, например, в *Он сломал Васе ногу* (поскольку обладатель 'Вася' в данном случае не образует одной именной группы с обладаемым 'нога' — в противном случае ожидался бы родительный падеж — в таких случаях обычно говорят о подъеме посессора, или обладателя, а сам посессор в этом случае называется внешним). Наконец, датив представлен и в именных группах с ролью реципиента при глаголах типа *давать* — *дал Васе книгу* (отсюда этот падеж и получил, собственно, свое название). Положительное знание о дативных показателях в данном случае состоит в том, что существует набор функций таких показателей (выражение роли экспериенцера, выражение роли посессора, выражение роли реципиента), который остается стабильным от языка к языку. Это обобщение важно, но недостаточно — чтобы понять, как функционирует датив в естественном языке, необходимо знать не только о возможной, но о невозможной дистрибуции его показателей. Типологическое исследование дативных показателей дает нам возможность сделать следующее отрицательное обобщение: не существует языков, в которых дативный показатель выражал бы роли экспериенцера и внешнего посессора, но при этом не выражал бы роль реципиента, — такого языка, на котором можно было бы сказать *мне интересно и сломал мне ногу* и при этом нельзя *дал мне книгу*. Это обобщение, таким образом,

является составной частью полного описания естественного языка как человеческой способности.

Выявление универсальных характеристик естественного языка, однако, — это лишь одна, причем самая простая задача теоретической лингвистики. Другая задача — объяснение этих универсальных характеристик. При решении объяснительной задачи теоретической лингвистики на первый план выходят отрицательные знания и отрицательные обобщения. Всякое научное знание имеет запретительный характер, поскольку именно запреты (невозможно так, что ...), но не экзистенциальные утверждения (бывает так, что ...) позволяют дедуцировать предсказания о поведении исследуемого объекта, являются фальсифицируемыми и удовлетворяют критерию демаркации научного знания (см. Поппер 1983). Любое объяснение отграничивает возможное от невозможного и формулируется в форме запретов. Таким образом, задача объяснительной лингвистики — обнаружить законы, из которых можно было бы вывести наблюдаемые ограничения на языковую структуру и объяснить, например, почему из претерита никогда не развивается перфект, при том что из перфекта развивается претерит, и почему падежный показатель не может не выражать значение реципиента, если он выражает значения экспериенцера и внешнего посессора.

2. Семантическое картирование

Универсальные свойства естественного языка могут проявляться по-разному, в частности,

- ◇ в регулярном сходстве структуры различных языков;
- ◇ в регулярном варьировании структуры;
- ◇ в регулярных ограничениях на варьирование.

Наиболее интересными и информативными являются проявления третьего типа: именно они позволяют отграничить возможное в естественном языке от невозможного. Например, иерархия грамматических отношений (Keenan, Comrie 1977) описывает прежде всего именно ограничения.

(1) подлежащее > прямое дополнение > косв. дополнение >

Эта иерархия предсказывает, что не существует языка, в котором, например, релятивизации может подвергаться прямое дополнение и при этом не может подлежащее. В русском языке, действительно, и подлежащее, и прямое дополнение могут быть мишенью релятивизации, ср. *Мальчик убил собаку* vs. *мальчик, который убил собаку* vs. *собака, которую убил мальчик*. Предсказание, которое следует из (1), действительно выполняется — языка, в котором можно сказать *собака, которую убил мальчик*, но нельзя *мальчик, который убил собаку*, не обнаружено.

Чтобы обобщить и объяснить явления, аналогичные тем, которые обсуждались в предыдущем разделе на примерах перфекта и датива в русском языке, требуется нечто аналогичное иерархии грамматических отношений — структурированное представление значений, выражаемых глагольными и именными грамматическими категориями, из которого вытекают наблюдаемые в языках ограничения.

Чтобы получить такое представление, необходимо принять следующее исходное допущение:

Гипотеза об экстенциональной эквивалентности языков
Языки описывают объекты одного и того же мира.

В соответствии с этой гипотезой, семантическая субстанция, образующая экстенционал языковых выражений, не меняется от языка к языку. Эту гипотезу приходится принимать в качестве исходного постулата — без обсуждения и эмпирической проверки. Очевидно, что если она не верна, межъязыковое сопоставление грамматических единиц оказывается в принципе невозможным.

Итак, пусть языки сопоставимы. Предположим, что объектом типологического изучения являются грамматические категории глагола. Сопоставляя частные категории различных языков, например, Настоящее время несовершенного вида в русском и Simple Present в английском, исследователь обнаруживает, что у п о т р е б л е н и я этих

категорий различны: в русском языке настоящее время применимо и в контексте *Иван сейчас пишет письмо*, и в контексте *Иван пишет письма каждый день*. Английское Simple Present возможно лишь во втором случае (*John writes letters every day*), но невозможно в первом случае, где употребляется Present Progressive: *John is (now) writing the letter*. Увеличивая объем типологической выборки, исследователь обнаруживает, что этим двум группам употреблений регулярно соответствуют различные языковые средства, в частности, различные формы глагола.

Изучив дистрибуцию форм, выражающих временную референцию к настоящему, исследователь получает список различных значений этих категорий. В случае с двумя языками — английским и русским — и тремя релевантными категориями — настоящее время несовершенного вида, Present Simple и Present Progressive такой список содержит ровно две позиции: ‘прогрессив’ (*сейчас пишет, is writing*) и ‘хабитуалис’ (*каждый день пишет, writes*). Можно утверждать, что Present Progressive выражает значение ‘прогрессив’, Simple Present — значение ‘хабитуалис’, а русское Настоящее время несовершенного вида совмещает оба значения. Если, далее, найдутся языки, которые проводят какие-либо дальнейшие различия, в списке появятся дополнительные значения.

Очень важный эмпирический факт, связанный с этим методом типологического анализа, состоит в том, что увеличение списка значений не бесконечно: с нарастанием объема языковой выборки число новых единиц, вносимых в список (=число выражаемых в языках семантических противопоставлений) стремительно уменьшается, а затем новые значения перестают добавляться вовсе.

Когда список значений готов (ср. понятие универсального грамматического набора в работах В.А.Плунгяна, например, в Плунгян 1998), начинается следующий этап исследования: выяснение того, какие значения могут, а какие не могут выражаться совместно. Например, хабитуальное и прогрессивное значение в русском (как и во многих других языках) выражаются одной глагольной формой. С другой стороны, значение, например, перфекта результата, иллюстрируемое предложением *He has already come home* ‘Он уже пришел домой’, никогда не выражается совместно с хабитуальным. Когда набор фактов такого рода в интересующей исследователя области грамматики установлен, можно сделать следующий шаг: построить семантическую (Anderson 1982, van der Auwera, Plungian 1998), или ментальную (Anderson 1986), или имплицативную (Haspelmath 1993, 1997) карту.

Идея семантической/ментальной/имплицативной карты очень проста. Тот факт, что некоторые значения регулярно выражаются совместно, а некоторые другие — редко или никогда, отражает степень их близости. Более близкие значения, как, например, прогрессивное и хабитуальное, могут обслуживаться одним грамматическим показателем, более далекие, как прогрессивное и перфектное, — нет. Это означает, что обобщения о том, как значения и выражающие их грамматические показатели взаимодействуют друг с другом, можно сформулировать в пространственных терминах — в виде карты. “Мы можем определить ‘сходство’ значений типологически. Если в произвольной выборке языков два значения часто выражаются одной формой, значит для человеческого сознания они являются сходными.... Мы располагаем различные значения на карте таким образом, чтобы сходные значения были близко друг к другу, а несходные — на расстоянии друг от друга” (Anderson 1982: 228).

На схеме 1 представлена одна из таких карт — карта дативных значений, которая предложена в Haspelmath 1999; см. также Haspelmath, to appear.

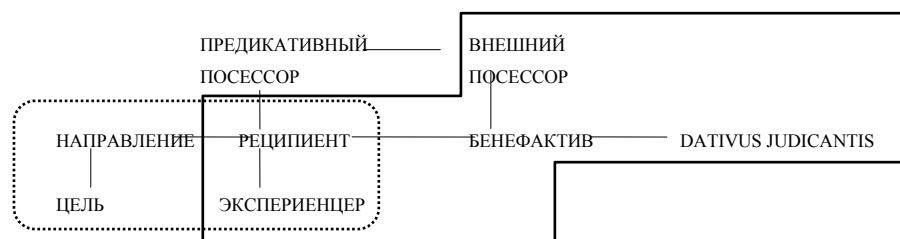

Схема 1. Семантическая карта дативных значений

Хотя техника построения и внешний вид карт, предлагаемых разными авторами, может различаться в незначительных деталях, в общем случае карта представляет собой сеть, в узлах которой размещаются значения (на схеме 1 обозначены шрифтом МАЛЕНЬКИЕ ПРОПИСНЫЕ).

На данной карте сплошной линией показана дистрибуция (беспредложного) датива в русском языке, которая соответствует примерам (2):

(2)	a. дал мне	РЕЦИПИЕНТ
	b. мне хочется	ЭКСПЕРИЕНЦЕР
	d. купил мне книгу	БЕНЕФАКТИВ
	c. сломал мне ногу	ВНЕШНИЙ ПОСЕССОР
	e. ему это слишком жирно	DATIVUS JUDICANTIS
	f. эта книга * мне ^{OK} моя	ПРЕДИКАТИВНЫЙ ПОСЕССОР
	g. пошел * дому ^{OK} к дому	НАПРАВЛЕНИЕ
	h. приложил все силы * решению ^{OK} к решению этой задачи	ЦЕЛЬ

Пунктирной линией помечена дистрибуция предлога *to* в английском языке:

(3)	a. gave it to me 'дал это мне'	РЕЦИПИЕНТ
	b. it seems to me 'мне кажется'	ЭКСПЕРИЕНЦЕР
	c. They've bought a book * to ^{OK} for me. 'Они купили ему книгу'	БЕНЕФАКТИВ
	d. *They broke a leg to him 'Они сломали ему ногу'	ВНЕШНИЙ ПОСЕССОР
	e. That's too warm * to ^{OK} for me 'Для меня слишком жарко'	DATIVUS JUDICANTIS
	f. *This dog is to me 'Эта собака — моя'	ПРЕДИКАТИВНЫЙ ПОСЕССОР
	g. went to Leipzig 'поехал в Лейпциг'	НАПРАВЛЕНИЕ
	h. I left the party to get home in time 'Я покинул вечеринку, чтобы приехать вовремя домой' ¹	ЦЕЛЬ

Описания любого частно-языкового показателя строится в терминах универсальных семантических единиц; в результате эти описания оказываются сопоставимы, и мы получаем возможность делать утверждения об их сходствах и различиях. Более того, с помощью семантической карты, таким образом, мы получаем возможность охарактеризовать дистрибуцию различных морфосинтаксических средств – в данном случае падежного показателя и предлога — при условии, что они имеют сопоставимые семантические функции. Например, опираясь на карту на схеме 1, можно сказать, что русский дательный падеж отличается от английского предлога *to*, в частности, тем, что первый, но не второй используется для выражения семантической роли бенефактива. Французский предлог *à*, который имеет общие функции и с русским дативом, и с английским предлогом *to*, отличается от обоих тем, что допускает употребление в позиции предикативного посессора, что невозможно для русских и английских единиц:

- (4) Ce livre est *à* moi.
'Эта книга моя'

¹ При таком анализе показатель инфинитива *to* и предлог *to* рассматриваются как единое морфосинтаксическое средство, что представляется оправданным исходя из диахронических и типологических соображений

Не погружаясь в детали анализа системы дативных значений, представленного на схеме 1,— для дальнейшего изложения они не существенны,— остановимся подробнее на важном принципе, который эта схема иллюстрирует:

Принцип смежности

Любые два значения на семантической карте кодируются одним и тем же грамматическим средством тогда и только тогда, когда это же средство кодирует все значения, расположенные между ними.

На схеме 1 принцип смежности выполняется: все показатели во всех трех языках занимают место на карте без разрывов, а выражаемые ими значения образуют компактное целое. (Отношения смежности на этой схеме показаны при помощи тонких линий, соединяющих значения.)

Поясним действие принципа смежности несколькими абстрактными примерами. Пусть имеется семантическая карта, содержащая восемь различных значений А, В, С, D, E, F, G, H. Принцип смежности допускает много различных способов, которыми эти значения могут выражаться частно-языковыми выражениями. Гипотетические языки α , β и γ , например, являются с точки зрения принципа смежности возможными языками:

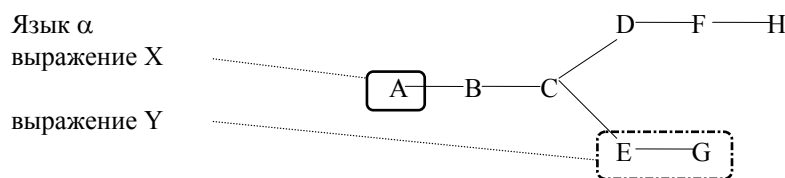

Схема 2.

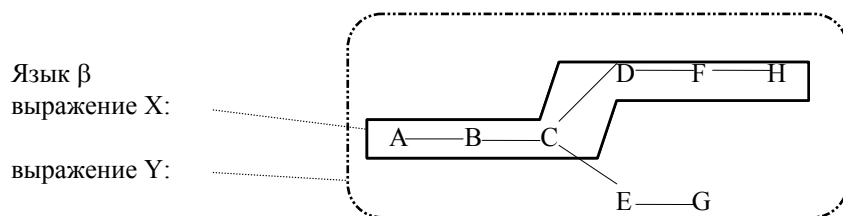

Схема 3.

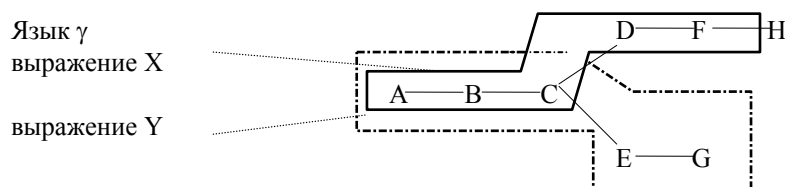

Схема 4.

На схеме 2 дистрибуция выражения X (значения А) и выражения Y (значения E и G) не пересекается; на схеме 3 набор значений, выражаемых формой X (А, В, С, D, F, H) является собственным подмножеством значений выражаемых формой Y (А, В, С, D, E, F, G, H), наконец, на схеме 4 выражения X и Y имеют три общих значения (А, В, С). Во всех случаях, однако, принцип смежности не нарушается.

Принцип смежности запрещает язык, в котором имеется выражение, покрывающее несмежные значения. λ и μ , представленные на схемах 5 и 6, являются примерами таких запрещенных языков.

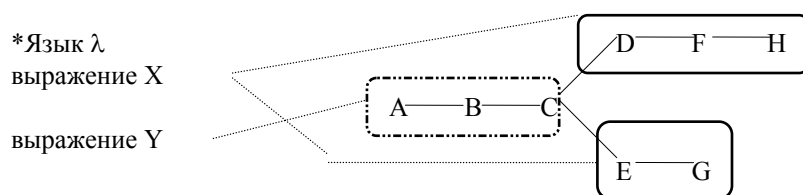

Схема 5.

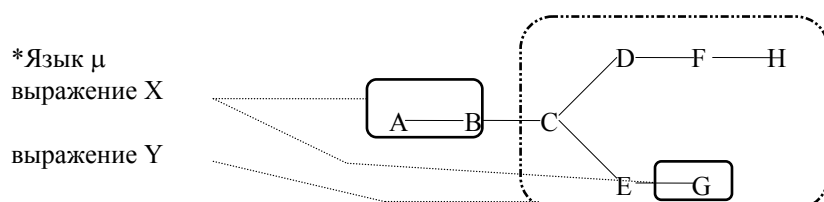

Схема 6.

Благодаря принципу смежности семантические карты делают эксплицитные предсказания о дистрибуции языковых единиц. Например, в соответствии со схемой 1, не может существовать морфосинтаксическое средство (падежный показатель, предлог и т.п.), которое выражает значения ЭКСПЕРИЕНЦЕР и БЕНЕФАКТИВ, но не выражает значение РЕЦИПИЕНТ. Универсальное ограничение, которое мы обсуждали в разделе 1, таким образом, получает объяснение: комбинация значений, которая не представлена ни в одном языке, невозможна в силу того, что такая комбинация нарушала бы принцип смежности, требующий, чтобы семантическое содержание грамматической единицы было единым и целостным. Таким образом, семантическая карта не просто является средством описания, способом формулировать положительные утверждения, но инструментом объяснения, с помощью которого можно установить, почему истинны отрицательные утверждения. Карта предсказательна: она содержит информацию не только об известных и описанных языках, но вообще о любых языках — в том числе неизвестных, уже исчезнувших и еще не сформировавшихся, то есть, в конечном итоге, о естественном языке в целом².

Из сказанного, в частности, тривиально следует, что семантическая карта является способом представления имплицативных универсалий (поэтому о карте иногда говорят как об имплицативной). Любой семантической карте, построенной с соблюдением принципа смежности, соответствует класс имплицативных универсалий вида

Если грамматическая единица A выражает значения a_i и a_j , то она выражает также значения $\{...a_k...\}$, расположенные между a_i и a_j .

Так, для гипотетической карты на схемах 2-6 верной будет любая универсалия, запрещающая кодировать несмежные функции, например, универсалия “Если

² Известные синтаксические иерархии, например, иерархию доступности именной группы (Keenan, Comrie 1977), иерархию одушевленности (Silverstein 1976) и иерархию локуторов (Кибрик 1997) можно рассматривать как одномерные семантические карты, на которые, кроме требования смежности, наложено и более сильное ограничение: узлы ранжированы, и если лингвистическое обобщение (например, «синтаксическая позиция X доступна для релятивизации») верно для некоторого узла, то оно верно и для любого вышестоящего узла в иерархии.

языковое выражение кодирует функции А и F, то оно кодирует также функции В, С и D”.

К настоящему времени имеется несколько успешных опытов семантического картирования. Первым таким опытом принято считать Anderson 1982 — его результат представлен на схеме 1, — и это, по всей видимости, не вполне справедливо. В 1981 году Ж.Лазар (Lazard 1981: 34) предложил представление “географии понятийного поля” (*geographie du champ notionnel*) некоторых глагольных категорий. Затем семантическое картирование применялось в типологических исследованиях условных конструкций (Traugott 1985), эвиденциальности (Anderson 1986), двигательных значений (Lichtenberk 1991), залога и актантных дериваций (Kemmer 1993), неопределенных местоимений (Haspelmath 1993) и кванторных слов со значением всеобщности (Татевосов 1999, 2002), целого ряда видо-временных категорий (Bybee et al. 1994), модальности (van der Auwera, Plungian 1998), отдельных падежных значений, в частности, датива (Haspelmath 1999) и инструменталиса (Michaelis 1999). Практически все эти исследования посвящены значению и дистрибуции грамматических морфем (в широком смысле, включая не только связанные морфемы, но и клитики, вспомогательные глаголы, предлоги и т.п.)³. Очевидно, это связано с тем, что значения грамматических единиц образуют закрытый и при этом достаточно компактный класс, чего в общем случае нельзя сказать о значениях лексических единиц.

3. Семантические карты в диахронии: результатив, перфект, заглазность

Кроме синхронных семантических карт, подобных той, которая представлена на схеме 1, существуют и диахронические. Действительно, принцип смежности не только объясняет, почему одни значения могут кодироваться совмещенно, а другие нет. Он также лежит в основе гипотез, описывающих диахронические процессы, связанные с изменением семантической и/или грамматической функции языковых выражений — очевидно, что если значение грамматической единицы начинает меняться (например, расширяться), то сначала изменение захватит более близкие, и только потом — более далекие семантические области.

На диахронических картах (Anderson 1986, Bybee et al. 1994, van der Auwera, Plungian 1998), кроме набора значений, образующих исследуемую семантическую область, размещаются пути диахронического развития — возможные переходы от одного значения к другому⁴. Пример такой диахронической карты представлен на схеме 7, предложенной в Tatevosov 2001, который опирается на Bybee et al. 1994.

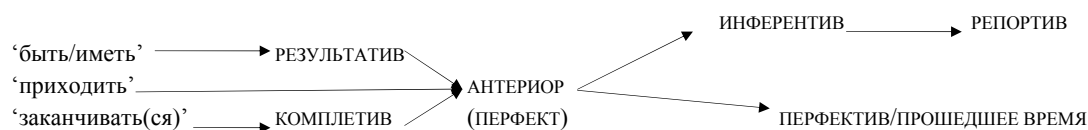

Схема 7. Диахроническая карта развития перфективных значений

На данной карте размещаются шесть значений:

- ◇ РЕЗУЛЬТАТИВ ‘имеется состояние, возникшее в результате предшествующего действия’ (о результатавах см. Недялков (ред.) 1983),
- ◇ КОМПЛЕТИВ ‘ситуация завершается’ (см. Bybee et al 1994),

³ Многие исследователи декларировали необходимость более полного раскрытия геометрической метафоры, лежащей в основе семантических карт. В частности, было бы желательно, чтобы расстояние между размещенными на карте значениями диаграмматически отражали степень их семантической близости. Кроме того, высказывалась идея, что от двухмерных карт следует перейти к многомерным, поскольку “человеческое сознание не ограничивает себя двумя измерениями” (Anderson 1986). На практике, однако, никаких серьезных попыток осуществить эти идеи не предпринималось.

⁴ Другая важная особенность диахронических карт состоит в том, что на них, как правило, представлены лексические источники рассматриваемых грамматических значений. На схеме 7, например, это бытийные глаголы со значением ‘быть’ или ‘иметь’, глаголы со значением ‘приходить’, ‘заканчиваться’. Похожим образом устроена и карта модальных значений в van der Auwera, Plungian 1998.

- ◇ АНТЕРИОР (ПЕРФЕКТ) ‘осуществление ситуации в прошлом имеет последствия, релевантные для настоящего’ (типологический анализ перфекта предложен в Anderson 1982),
- ◇ ПЕРФЕКТИВ ‘ситуация в прошлом описывается как целостная, вложенная в фокусный временной интервал’ (о понятии фокусного временного интервала см. Klein 1994, 1995)
- ◇ ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ ‘ситуация имеет место до момента речи’
- ◇ ИНФЕРЕНТИВ ‘утверждение говорящего об описываемой ситуации основывается на наблюдаемых последствиях этой ситуации’,
- ◇ РЕПОРТИВ ‘утверждение говорящего об описываемой ситуации основывается на сообщении внешнего источника’.

О двух последних значениях, которые называются *эвиденциальными*, см., в частности, Chafe, Nichols 1986, Willett 1988, Guentchéva (ed.) 1996, Johanson, Utas (eds.) 2000, Aikhenvald, Dixon (eds.) 2003.

Как видно из схемы 7, данная карта не просто утверждает, что, например, значение результата находится в отношении смежности со значением перфекта, но и что грамматический показатель, выражающий результативное значение, может в процессе развития приобрести перфектное значение, но не наоборот. “В идеале мы могли бы построить карту, ограничившись хорошо изученными примерами последовательного изменения значения. Фундаментальным понятием в этом случае оказалось бы не сходство значения, а производность (derivability) значения”, — пишет в этой связи Л.Андерсон (Anderson 1986: 281).

Рассмотрим несколько частно-языковых категорий, диахроническое развитие которых описывается этой схемой.

Прежде всего, в русском языке форма прошедшего времени, с обсуждения которой мы начали настоящую статью, эволюционировала в точном соответствии со схемой: исходно будучи результативной, она дошла до стадии перфекта, где путь диахронического развития разветвляется, затем выбрала его нижнюю ветвь и через некоторое время приобрела дистрибуцию, характерную для категорий со значением прошедшее время. Аналогичную эволюцию проделали перфекты и во многих других языках. В современном немецком, например, дистрибуция перфекта стала настолько широкой, что он фактически свободно варьирует с претеритом и употребляется во всех контекстах с временной референцией к прошлому. Во французском языке перфектная форма *Passé Composé* быстро утрачивает специфичные для перфекта употребления и, вытесняя диахронически первичное *Passé Simple*, становится основной формой с временной референцией к прошлому.

Примеры такого рода хорошо известны и описаны в литературе. Остановимся поэтому несколько подробнее на языках, в которых развитие результативных и перфектных категорий направляется по верхней ветви пути, представленного на схеме 7.

Один из таких языков — багвалинский, на котором говорят примерно 5 тыс. носителей, живущих в западной части Дагестана. В этом языке имеется глагольная форма, которая способна выражать четыре из представленных на карте значений — результатив, перфект, инферентив и косвенную засвидетельствованность. (Два последних значения в порядке упрощения мы объединим под общим названием ЗАГЛАЗНОСТЬ.) Заглазные употребления перфекта иллюстрируются в (5):

- (5) К(онтекст)₁: Говорящий видит своего приятеля, который возвращается из лесу и несет зайца.
 К₂: Знакомый сообщил говорящему, что Али поймал зайца. Али рассказывает другому знакомому.
 *К₃: Говорящий вместе со своим приятелем отправился в лес, и тот у него на глазах поймал зайца.
ʕali-r	L'anč'al	b-iši-b-o	ek'a.
Али-ЭРГ	заяц	С-ловить-С-ДЕЕПР	ВСПМ.НАСТ
1. Али(, я вижу,) поймал зайца.
 2. Али(, как мне рассказали,) поймал зайца.
 *3. (Я видел, как) Али поймал зайца.

Предложение (5) неоднозначно. В инферентивной интерпретации, которая возникает в контексте₁ и описывается переводом₁, оно описывает динамическую ситуацию в прошлом — ‘поймал’, свидетелем которой говорящий не был и вывод о которой он сделал на основании положения вещей, наблюдаемого в момент речи — ‘Али несет в сетке зайца’. (Инферентивное значение на русский язык приблизительно переводится выражением *я вижу*.) Репортивное значение представлено парой «контекст₂ — перевод₂»: в этом случае источником знания об описываемой ситуации является вербальное сообщение. В русском языке этому значению соответствуют выражения типа *как мне рассказали, я слышал, говорят*. Источником знания об описываемой ситуации, однако, не может быть непосредственное наблюдение, как видно из аномальности (5) в контексте₃ с переводом₃.

Характерной особенностью форм с заглазным значением является эффект потери контроля (см. Майсак, Татевосов 2000): в момент произнесения высказывания говорящий не имеет оснований утверждать, что он участвовал в описываемой ситуации и при этом полностью сознавал происходящее. Рассмотрим (6):

- (6) den L'anč'al **b-iši-b-o** ek'a.
 я.ЭРГ заяц С-ловить-С-ДЕЕПР ВСПМ.НАСТ
(Я вижу,) я поймал зайца.

В (6) говорящий узнает об описываемой ситуации, участником которой был он сам, *ex post facto*, после того как ситуация уже завершилась, в то время как в момент осуществления ситуации он не воспринимал происходящее — например, из-за невнимания, рассеянности, опьянения и т.п.

Для показателей результата характерны жесткие лексические ограничения — они присоединяются только к динамическим предельным глаголам типа ‘ловить’ из (5), ‘строить’, ‘пахать’, но не к неопредельным глаголам типа ‘разговаривать’ и ‘гулять’.

(7) совпадает с (5), однако имеет другую интерпретацию: в рассмотрение водится стативная ситуация в настоящем — ‘держит’, — которая является результирующим состоянием ситуации ‘поймал’, описываемой в (5).

(7) К: Говорящий и его приятели ухаживают за животными в живом уголке.

- ʔali-r jerala L'anč'al **b-iši-b-o** ek'a.
 Али-ЭРГ еще заяц С-ловить-С-ДЕЕПР ВСПМ.НАСТ

{— *Как ты думаешь, заяц не убежит, пока мы чистим клетку?*} — *Али(, я вижу,) еще держит зайца.*

Стативность является характерологической особенностью результатов, и это одно из главных отличий (7) от (5). Грамматическим тестом, позволяющим различить стативную и динамическую событийную интерпретации является сочетаемость с обстоятельствами типа ‘еще’, которые невозможны для динамических ситуаций — *‘Али еще поймал зайца’, но возможны для стативных — ‘Али еще держит зайца’. Второе важное отличие состоит в том, что в (7) прямая засвидетельствованность ситуации не исключается — говорящий, произнося (7), может наблюдать происходящее. Как и можно ожидать, при результирующей интерпретации появление в предложении первого лица не вызывает эффекта потери контроля:

- (8) den L'anč'al **b-iši-b-o** ek'a.
 я.ЭРГ заяц С-ловить-С-ДЕЕПР ВСПМ.НАСТ
Я держу зайца.
 *(Я вижу,) я держу зайца.

Наконец, в (9) представлена перфектная интерпретация:

- (9) den qaʃaR **w-iʃi-w-o** **ek'a!**
 я.ЭРГ вор **М-ловить-М-ДЕЕП** **ВСПМ.НАСТ**
Я поймал вора! {Зови милицию!}

Хотя перфектам в различных языках посвящена огромная литература, выделить их характерологические свойства довольно затруднительно, поскольку эти свойства оказываются в основном отрицательными. В отличие от результатов, перфекты являются динамическими, не сочетаются с обстоятельствами типа *еще* и не имеют лексических ограничений. В отличие от показателей заглазости, перфекты не вызывают эффекта потери контроля в предложениях с 1-м лицом — это видно из (9) — и не сочетаются с обстоятельствами, задающими определенную временную локализацию описываемой ситуации типа *вчера* (см. Bybee et al. 1994: 61-63). Если такое обстоятельство ввести в предложение (9), перфектная интерпретация делается невозможной, и единственно доступной станет заглазная интерпретация с эффектом потери контроля:

- (10) ʃuni den qaʃaR **w-iʃi-w-o** **ek'a.**
 вчера я.ЭРГ вор **М-ловить-М-ДЕЕП** **ВСПМ.НАСТ**
Вчера(оказывается,) я поймал вора {но я не знал, что это вор, и отпустил его}.

Едва ли не единственное положительное свойство перфекта — ‘релевантность для ситуации коммуникации’ (см., например, классическое определение в Comrie 1976) — с трудом поддается строгому определению и вследствие этого допускает различные толкования. В последнее время в свете типологических данных о дистрибуции перфекта ‘релевантность для ситуации коммуникации’ все чаще предлагается интерпретировать прагматически. Как отмечают, в частности, Э.Даль и Е.Хедин (Dahl, Hedin 2000), «неверно, что она (релевантность — С.Т.) в первую очередь предполагает, что прямой результат ситуации все еще имеет место (в момент речи — С.Т.), скорее она предполагает, что описываемое событие имеет влияние (repercussions) на участников ситуации коммуникации».

Это наблюдение вполне согласуется с данными о перфектном употреблении багвалинской формы типа *w-iʃi-w-o ek'a* из (9). Информанты регулярно предлагают контексты принятия/отклонения предложения или просьбы как наиболее типичные для такого употребления. Очевидно, что именно в речевых актах этого типа предполагается прагматическая включенность слушающего в ситуацию, описываемую высказыванием с данной формой, и (9) как раз представляет собой один из таких примеров.

Различия в дистрибуции перфектов, результатов и показателей заглазости представлены в Таблице 1.

		Результативы	Перфекты	Показатели заглазости
временная референция		одновременность с точкой отсчета	предшествование точке отсчета	предшествование моменту речи ⁵
Стативность/динамичность		стативность	динамичность	динамичность
Лексические ограничения		+	–	–
Эффект потери контроля		–	–	+
Сочетаемостны е ограничения	‘еще’	+	–	–
	‘вчера’	–	–	+
Вовлеченность слушающего		-	+	-

Таблица 1. Дистрибуция и сочетаемость результатов, перфектов и показателей заглазости

⁵ И для результативов и для перфектов характерна (хотя и не обязательна) возможность комбинироваться с показателями различной временной референции, ср. перфект в английском языке — *has come, had come, will have come*. В отличие от них, показатели заглазости обычно ограничены временной референцией к прошлому.

Таким образом, полное и адекватное описание Перфекта в багвалинском языке должно включать указание на то, что эта форма совмещенно выражает следующий набор значений — результативное, собственно перфектное и значение заглазости, которое представляет собой композицию значений инферентива и репортива. Именно такую дистрибуцию и предсказывает карта на схеме 7.

Более того, карта помогает увидеть, в чем состоят сходства и различия русского и багвалинского языков. Глагольные формы, очень близкие по структуре и имеющие одинаковое происхождение — нефинитная форма смыслового глагола + вспомогательный глагол со значением ‘быть’ — до некоторого момента движутся по одинаковому пути — РЕЗУЛЬТАТИВ → ПЕРФЕКТ. Затем пути расходятся: перфект в багвалинском языке приобретает заглазные употребления, перфект в русском языке движется в направлении прошедшего времени. Отличается и то, каким образом происходит эта семантическая эволюция: в русском языке приобретение новых употреблений сопровождается утратой предыдущих, а в багвалинском более старые употребления сохраняются, вследствие чего форма оказывается исключительно многозначной. Наконец, диахроническое развитие происходит по разному и с формальной стороны: в русском языке вспомогательный глагол утрачивается, в багвалинском — сохраняется.

Набор возможностей — и синхронных и диахронических — которые, как предсказывает карта, могут существовать в естественных языках, разумеется, намного шире того, что мы наблюдаем в русском и в багвалинском. Болгарский язык, в частности, отличается от близкородственного русского тем, что семантически перфект в нем претерпел в значительной степени ту же эволюцию, что и в багвалинском. При утрате вспомогательного глагола он приобрел не значение простого прошедшего времени, как русский перфект, а напротив, заглазное значение. Еще одно отличие от русского — форма со вспомогательным глаголом не исчезла, а продолжила существовать наряду с формой без вспомогательного глагола, образуя контраст, представленный в (11) (пример из Fitneva 2001):

- (11) а. Зайо е **от-ишь-л** да си почине
 Заяц **ВСПМ.З.ЕД ПРЕФ-идти-ПРШ** ПОДЧ РЕФЛ отдыхать
 Заяц пошел отдыхать.
- б. Зайо **от-ишь-л** да рисува
 Заяц **ПРЕФ-идти-ПРШ** ПОДЧ рисовать
 Заяц пошел рисовать{, как я слышал}.

В то время как (11b) указывает, что информация о ситуации получена опосредованно — либо в результате логического вывода, либо из сообщения третьего лица, — (11a) допускает, что говорящий был непосредственным свидетелем ситуации. По данным исследователей семантики болгарского перфекта (см., об этом, частности, Friedman 1986, Guentchéva 1996, Fitneva 2001, среди многих других), «старый перфект», употребляющийся с вспомогательным глаголом, сохраняет диахронически первичный набор собственно перфектных употреблений, однако допускается также в контекстах, характерных для простого прошедшего — в этом отношении он сближается с русской л-формой.

Дистрибуция обсуждавшихся выше глагольных форм представлена на схеме 8 (сплошная линия соответствует багвалинскому языку, пунктир — болгарскому языку, штрихпунктир с заливкой — русскому языку).

Таким образом, диахронические карты правильно предсказывают и направление диахронического развития грамматических показателей, в данном случае — глагольных форм с перфектным значением, и их синхронную дистрибуцию. Действительно, не засвидетельствовано ни одного языка, в котором показатель заглазости превратился бы в собственно перфектный показатель, а собственно перфектный показатель — в результативный показатель, и диахроническая семантическая карта позволяет сделать это обобщение полностью эксплицитным и проверяемым. Кроме того, и это главное, диахроническая карта эксплицитно выделяет класс возможных естественных языков, а значит, и объясняет наблюдаемые

синхронные и диахронические ограничения на дистрибуцию перфектных показателей. Благодаря семантической карте мы видим, что русский, болгарский и багвалинский языки, несмотря на громадные различия на всех уровнях языковой структуры, обладают фундаментальной общностью, поскольку в конечном итоге реализуют один и тот же набор семантических возможностей.

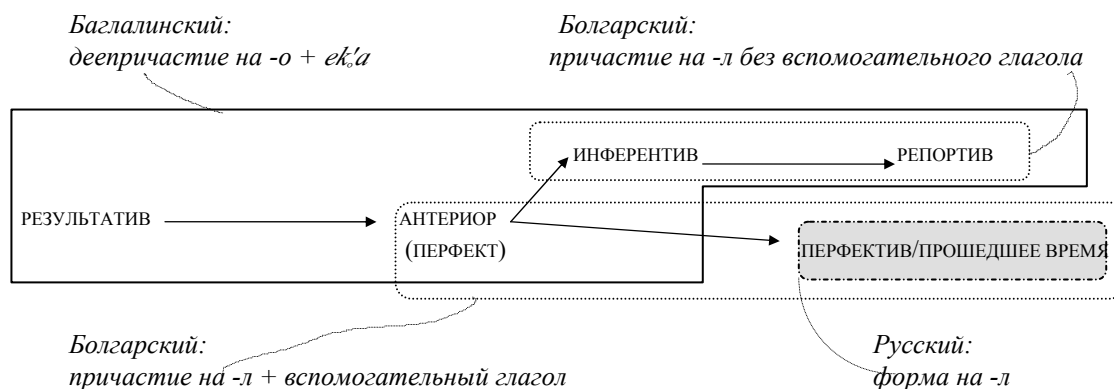

Схема 8. Дистрибуция перфектных показателей в багвалинском, русском и болгарском языках

4. Вместо заключения

Подведем итог. Семантические карты представляют собой удобный инструмент лингвистического анализа грамматических значений, эффективный способ представления лингвистических обобщений и обладают достаточно сильными объяснительными возможностями.

Семантическая карта, построенная с соблюдением принципа смежности,

- ◇ позволяет представить семантическую или функциональную близость различных употреблений некоторого языкового выражения;
- ◇ является способом представления имплицативных универсалий;
- ◇ позволяет делать предсказания о возможной и невозможной дистрибуции языковых единиц.

В конечном итоге семантические карты подтверждают верность фундаментального допущения, на котором основана современная грамматическая теория,— что существует универсальный набор смыслов, выражаемых грамматическими категориями естественных языков, который является структурированным и упорядоченным и об элементах которого можно говорить в терминах «более близкий» и «более далекий». О том, как организована эта система, многое уже известно, но намного больше еще только предстоит узнать.

Литература

- Кибрик А.Е. (1997). «Иерархии, роли, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической информации.» *Вопросы языкознания*, №4, 1997.
- Майсак Т.А., С.Г.Татевосов (2000). «Пространство говорящего в категориях грамматики» *Вопросы языкознания* №5, 2000.
- Недялков В.П. (ред.) (1983). *Типология результативных конструкций: результатив, статив, пассив, перфект*. Л., 1983.
- Плунгян В.А. (1998). Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология. Черткова М.Ю. (ред.) *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М., 1998.
- Поппер К. (1983) *Логика и рост научного знания*. М., 1983
- Татевосов С.Г. (1999). «Семантическое пространство квантификации: в поисках ориентиров.» В кн.: Рахилина Е.А. и Я.Г.Тестелец (ред.) *Типология и теория языка: от описания к объяснению*. М., 1999.
- Татевосов С.Г. (2002). *Семантика составляющих именной группы: кванторные слова*. М., 2002.
- Aikhenvald A.Y., and R.M.W. Dixon. (eds.) (2003) *Studies in evidentiality*. Amsterdam: John Benjamins.
- Anderson L. D. (1982). «The perfect as a universal and as a language particular category». In: Hopper P. (ed.). *Tense and aspect: between semantics and pragmatics* (Typological studies in language, 1). Amsterdam: John Benjamins, 1982.
- Anderson L.D. (1986). «Evidentials, path of change and mental maps: typologically regular asymmetries.» In: Chafe W., and J. Nichols (eds.). *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Norwood: Ablex, 1986.

- Bybee J.L., R.D. Perkins, and W. Pagliuca. *The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Chafe W., and J. Nichols (eds.) (1986). *Evidentiality: the linguistic coding of epistemology*. Norwood: Ablex, 1986.
- Comrie B. (1976). *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Dahl, Ö., and E. Hedin. (2000). «Current Relevance and Event Reference». In: Dahl, Östen (ed.) *Tense and Aspect in the Languages of Europe. Empirical Approaches to Language Typology*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.
- Friedman, V. (1986). «Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian, and Albanian.» In: W. Chafe and J. Nichols (eds.) (1986). *Evidentiality: the linguistic coding of epistemology*. Norwood: Ablex, 1986.
- Guentchéva Z. (éd.) (1996). *L'énonciation médiatisée*. Paris and Louvain: Peeters, 1996.
- Guentchéva, Z. (1996). «Le médiatif en bulgare». In: Z. Guentchéva (éd.) *L'énonciation médiatisée*. Paris and Louvain: Peeters, 1996.
- Haspelmath M. (1993). *A typological study of indefinite pronouns*. Ph.D. dissertation, Freie Universität, Berlin, 1993.
- Haspelmath M. (1997). *Indefinite pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Haspelmath M. (1998). «The semantic development of old presents: new futures and subjunctives without grammaticalization.» *Diachronica* XV, 1998.
- Haspelmath M. (1999). «External possession in a European areal perspective.» In Payne D. and I. Barshi (eds.). *External possession*. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Haspelmath M. (to appear). «The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison.» In: Tomasello M. (ed.). *The new psychology of language*. Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Johanson L. and B. Utahs (eds). (2000). *Evidentials. Turkish, Iranian, and neighbouring languages*. Mouton de Gruyter, Berlin.
- Keenan E.L. and B. Comrie. (1977). «Noun phrase accessibility and universal grammar.» *Linguistic Inquiry* 8, 1977.
- Kemmer S. (1993). *The middle voice*. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Klein W. (1994). *Time in language*. London: Routledge, 1994.
- Klein W. (1995). «A time-relational analysis of Russian aspect.» *Language* 71: 669-695.
- Lazard G. (1981). «La quête des universaux sémantiques en linguistique.» *Le Bulletin du Groupe de Recherches semi-linguistiques* 19, 1981.
- Lichtenberk F. (1991). «On the gradualness of grammaticalization.» In: Traugott E. C. and B. Heine (eds.) *Approaches to grammaticalization*, vol.1. Amsterdam: John Benjamins, 1991.
- Michaelis S. (1999). «Polysemy and semantic maps: the relator EK in Seychelles Creole.» Paper presented at 3rd Meeting of the Association for Linguistic Typology, Amsterdam, August 1999.
- Nedyalkov V.P. (ed.) (1988). *Typology of resultative constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 1988.
- Silverstein M. (1976). «Hierarchy of features and ergativity.» In: Dixon R.M.W. (ed.). *Grammatical categories in Australian languages*. Canberra, 1976.
- Tatevosov S. (2001). «From resultatives to evidentials: multiple uses of the Perfect in Nakh-Daghestanian languages.» *Journal of Pragmatics* 33-3, 443-464.
- Traugott E.C. (1985). «Conditional markers». In: J. Haiman (ed.) *Iconicity in syntax*. Amsterdam: John Benjamins.
- van der Auwera, J. and V.A. Plungian (1998). «Modality's semantic map.» *Linguistic typology* 2.
- Willett, Thomas, 1988. A cross-linguistic survey of grammaticization of evidentiality. *Studies in Language* 12.1: 57-91.